

УДК 811.161.1'22
DOI 10.52452/19931778_2024_4_194

ОБФУСКАЦИЯ КАК АНОМАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА: ПРИНЦИПЫ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

© 2024 г.

Т.Б. Радбиль¹, С.И. Красса²

¹Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород
²Ассоциация «Центр независимых экспертиз», Ставрополь

timur@radbil.ru

Поступила в редакцию 31.03.2024

Статья посвящена проблеме обфускации текста, под которой понимается затемнение содержания текста или значения его фрагмента, что вносит неясность, порождает неинформативность, скрывает смысл, заложенный в тексте или его части. Обфускация текста рассматривается как некооперативная коммуникативная стратегия, нарушающая постулаты общения Г.П. Грайса. Показано, что обфускация текста выступает как аномальное использование языка и аномальная реализация моделей коммуникации с разной интенциональностью и разным перлокутивным эффектом. Предложено теоретико-языковое описание разновидностей обфусцированного текста с учетом деления языковых аномалий на аномалии концептуализации мира, аномалии языка и аномалии текста. Обоснован лингвосомиотический подход к анализу обфускации с опорой на определение энтропии обфусцированного текста в сопоставлении с текстом необфусцированным. Делается вывод о том, что повышенная энтропия обфусцированного текста может, с одной стороны, быть маркером непонятности текста, а с другой стороны, например в случае с художественным текстом, служить показателем его значительной смысловой емкости и выразительности.

Ключевые слова: обфускация, прагмалингвистика, некооперативная коммуникативная стратегия, аномальное использование языка, лингвосомиотический подход, энтропия текста.

Введение

В статье рассматривается явление, называемое в ряде источников **обфускацией**. Под обфускацией понимается затемнение содержания текста или значения его фрагмента, что вносит неясность, порождает неинформативность, скрывает смысл, заложенный в тексте или его части. С точки зрения семиотики обфускация представляет собой запутывание исходного кода, устранение логических связей в нем или формирование связей, нарушающих естественную логику. Исходный код преобразуется таким образом, чтобы его стало сложно читать и понимать. Этот процесс имеет место в криптографии и компьютерной безопасности, в том числе сетевой.

В языкознании имеется аналог данного явления, частично проявляющийся в криптолаллии (тайноречии) [1]. Декодирование тайного языка (речевых сообщений) обсуждается в теории языка (социальной диалектологии) [2]. Также и в информационных технологиях разрабатываются методы декодирования обфусцированных сообщений в электронной почте и социальных сетях [3]. В свою очередь, и в семиотических исследованиях изучение обфускации может

быть связано с энтропией языка, как будет показано ниже.

Рассматривая обфускацию, мы в известной мере вторгаемся в сферу цифровых гуманитарных наук [4]. Как известно, они объединяют методологию традиционных гуманитарных наук с компьютерными науками, открывая тем самым новые возможности для сбора и визуализации данных, информационного поиска, анализа данных и применения методов математической статистики. Кроме того, цифровые гуманитарные науки позволяют вычислить меру энтропии – как текста с обфускацией, так и без нее.

Если цифровые гуманитарные науки можно рассматривать как «зонтиковый» термин (ср. «КН (когнитивные науки. – Прим. авт.) это не столько наука с точным представлением об объектах, сколько “зонтиковый” термин, покрывающий собранные под “зонтиком” дисциплины для реализации ими особой междисциплинарной программы» [5, с. 35]), то и обфускация по аналогии представляется нам как «зонтиковый» термин. Этот термин объединяет явления языка, текста, дискурса, различные по целям, отношениям между участниками коммуникации, уровням использованных языковых средств и текстовых категорий. Объединяющим

признаком этого «зонтика» может быть некооперативная речевая (коммуникативная) стратегия, что входит в сферу интересов лингвистической прагматики [6].

Стратегии коммуникации зачастую рассматриваются в контексте принципа кооперации Г.П. Грайса [7], когда исходной признается установка на коммуникативное сотрудничество участников коммуникации. В связи с этим в речевом общении могут иметь место разнообразные явления некооперативной коммуникации, основанные в том числе на нарушении конкретных постулатов общения (*conversational maxims*) Г.П. Грайса. Так, обфускация не удовлетворяет постулату количества, поскольку семиотически обфусцированный текст сложнее (больше), чем необфусцированный: для выражения одного и того же количества информации требуется больший объем знаков. Г.П. Грайс указывал на то, что коммуникант с определенной целью может разными способами целенаправленно обыгрывать нарушение того или иного постулата, что порождает коммуникативную импликацию (*conversational implicature*).

По сути, импликатуры дискурса – это нестрогие умозаключения, которые не входят в собственно смысл предложения, но «вычитываются» в нем слушающим в контексте речевого акта, опираясь на **постулаты речевого общения**. Г.П. Грайс так описывает общую схему вывода импликатуры дискурса: «Он сказал, что *p*; нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; он не мог сказать *p*, если бы он не считал, что *q*; он знает (и знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что *q*; он хочет, чтобы я думал – или хотя бы готов позволить мне думать – что *q*: итак, он имплицировал, что *q*» [7, с. 227–228].

Понятие коммуникативной импликатуры используется Г.П. Грайсом для объяснения случаев понимания косвенных или тавтологических высказываний, которые, будучи восприняты буквально, будут бессмысленны или неинформативны. «На основе коммуникативных постулатов можно интерпретировать и высказывания типа *Закон есть закон*: прямой их смысл тавтологичен, и тем самым они в любом коммуникативном контексте, будучи абсолютно неинформативными, нарушают первый постулат количества. Это заставляет адресата речи полагать, что подлинное информационное содержание этих высказываний не составляется из элементов понятийного значения, а непосредственно зависит от ситуативно обусловленных ассоциаций» [8, с. 443].

В случае с языковой обфускацией надо различать два возможных модуса ее восприятия.

(1) Если обфускация возникает в зоне третьего члена-наблюдателя (и только для него) при речевом общении на некоем криптокоде между участниками, который им обоим известен, а наблюдателю нет, то коммуникативная импликация выполняет роль ключа для посвященных. Такой тип обфусцированной коммуникации сохраняет конвенциональность и отвечает принципу кооперации, но сужает сферу его действия только для тех, кому известен криптокод.

(2) Если же обфускация намеренно заложена говорящим или просто порождена случайно в силу его недостаточной языковой и коммуникативной компетенции, то в зоне адресата возникают стохастические, аномальные коммуникативные импликатуры, которые говорящий не имел в виду. Такое речевое общение нарушает принцип кооперации для всех. Однако вариант кооперативного порождения обфускации этого типа представлен в художественной речи, когда мы имеем дело со стилистическими приемами, основанными на ней – алогизм, оксюморон, экивок, или просто в некоторых жанрах, например, гротеска или абсурда (ср., например: «Ирония, метафора, литота, гиперболы и т. п. стали рассматриваться как приемы для порождения ситуации, когда очевидная ложность прямого смысла высказывания заставляет адресата попытаться найти иное осмысление» [8, с. 443]). Такая обфускация ожидается адресатом, и он готов к ее интерпретации, пусть и множественной, вероятностной, поскольку это «входит в правила игры», по взаимному соглашению «сторон».

В любом случае обе рассмотренные выше прагмалингвистические разновидности обфускации выступают как аномальное использование языка и аномальная реализация моделей коммуникации – только с разной интенциональностью и разным перлокутивным эффектом.

Разновидности обфускации и принципы их интерпретации

Рассмотрим примеры обфускации и предложим их теоретико-языковое описание. За основу типологии обфускации в терминах аномалий примем классификацию Т.Б. Радбиля, объединив два элемента в один (Н и Т в Текст, см. ниже). Первый элемент представляет параметр М, который отражает экстралингвистические (содержательные) нормы и аномалии. Сюда включаются предложенные Т.Б. Радбилем 1.1) «онтологические»; 1.2) логические (ментальные);

1.3) аксиологические и 1.4) мотивационно-прагматические аномалии. При констатации нормы переменная будет иметь значение **М** (мир) с индексами **а** и **п**, где «правильный» мир обозначен как **Мп**) [9: 311].

Языковую сторону обфускации представляют 2.1) лексико-семантические; 2.2) грамматические и 2.3) стилистические аномалии (**Яп – Яа**).

Третий вид аномалий представляют текстовые явления (**Т**): 3.1) аномалии субъектной организации; 3.2) аномалии событийной (фабульной) структуры и 3.3) аномалии сюжетно-композиционной структуры. Сюда же включаются элементы построения диалога (полилога), нормальные и аномальные – **Тп** и **Та**.

В итоге конструируются следующие формулы. Исходная комбинация **Мп – Яп – Тп** для ситуации отсутствия аномалий; наличие аномалий, в зависимости от их вида, будет обозначаться как **Ма – Яп – Тп; Мп – Яа – Тп; Мп – Яп – Та**.

Первая комбинация **Ма – Яп – Тп**. Это затемнение смысла на уровне «неправильного» мира, например:

(1) *Привези яблоки с железными ножками* [10].

По предложенной классификации эти обфускации – «онтологические» аномалии (репрезентируют мир абсурда или мир гротеска) [9, с. 311].

Кроме этого, этой же формулой может быть описана обфускация – затемнение смысла на уровне диктума посредством сокрытия истинных референтов, их маскировки. Данное сокрытие ориентировано на постороннего, т.е. наблюдателя, поскольку адресат знает, о чем идет речь. Приведём небольшой отрывок, иллюстрирующий коммуникацию подобного рода:

(2) – *Подожди секунду, я забыл, один жареный и два серых. Правильно?*

– Да.

– *И-и серый можно начинать э-дедушкин, который был половинчатый. Да?*

– У-у, в смысле?

– Ну дедушка, помнишь?

– А серый, да, да, да. Коричневый.

– *Коричневый можно дедушкин начинать, тот пока не трогать, дальний.*

– Ну да, вы н-начинайте тот, жёлтый, ну жёлтый, коричневый.

– Да, два жёлтых, один белый.

– Да.

– *Всё, всё, а то с коробками путаница, получается.*

– Да.

– В смысле?

– *Ну я п-п-за-перепутал, получается значит две коробки «принца», вот который*

остался, и два серых, всё правильно, всё я понял теперь [2].

В данном отрывке речь идет о маке и приводятся его характеристики, знакомые участникам коммуникации, судя по всему, только им: *жареный, серый, половинчатый, дедушкин, коричневый, желтый, белый, «принц», который остался*.

Имеет место сокрытие (номинативное табу) истинных референтов. Они раскрываются посредством указания на их свойства, признаки, указания зачастую избыточные, многократные, однако без узуального указания на референт. Это может быть названо референциальными аномалиями, как разновидность логических аномалий.

Такое сокрытие имеет аналогии в виде вторичной интерпретации, предлагаемой А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским, а именно переосмысления границ референции. Например, выражение *лучший друг советских физкультурников* сужает границы своего референта до единственного [11]. Точно так же указанные выше характеристики сводятся к одному или близким референтам – маку определенного свойства (цвета, внешнего вида, вкуса и т.п.).

Вторая формула (комбинация) **Мп – Яа – Тп** может быть отнесена к примерам с фонетическим ключом (вставкам) типа:

(3) *Язя вёзэ тозоварза «Я вёз товар»* [10], семиотическое осложнение осуществляется с помощью вставки *з* и ее повтора с гласной слога.

По виду языковых средств это по большей части лексико-семантические (фонетические) аномалии (**Яп => Яа**). В этих случаях обфускация как средство запутывания текста, затемнения значения в значительной мере представляет собой криптографическое явление (с примитивным ключом).

К лексико-семантическим (фонетическим) аномалиям могут быть отнесены нарушения синтагматического членения высказывания, его интонационного оформления:

(4) *Мы вчера заходили / в парк. Ты как-нибудь тоже загляни / в парк*, пример из [10],

– когда аномальное синтагматическое членение служит указанием на неузуальное значение лексем.

Формула **Мп – Яп – Та** отражает ситуацию затемнения смысла на уровне модуса. Данное сокрытие направлено на дезориентацию адресата и является разновидностью языкового манипулирования. Этот случай описан в [12], а также в методическом пособии:

(5) *Выяснилось, что организовал новый вид бутлеггерства, по неподтвержденной информации, некто Д.Р.*

С одной стороны, информация не подтверждена, а с другой стороны, выбор глагола «выяснилось» предполагает, что информация стала ясной, получила какое-то подтверждение. Глагол «выясниться» относится к группе верификаторов, или фактологических предикатов, наряду с *подтвердилось, обнаружилось, было доказано, было установлено* и т. д.» [13, с. 125]. Является ли данное явление нормой в текстовом плане: очевидно, эта целевая установка не может не считаться отклонением или аномалией. Ср. схожий пример из Национального корпуса русского языка:

(6) *А потом выяснилось, что это неизвестно кто* [НКРЯ – Коммерсант, 04.10.2010].

Формула **Mn – Яn – Та** – здесь затемнение смысла связано с нарративными стратегиями, это так называемые нарративные аномалии, согласно Т.Б. Радбилю [14]. Подобные проявления связаны с феноменом «ненадежного нарратора» (*unreliable narration*), характеризующим ненадежный нарратив, целью которого, в соответствии с трактовкой предложившего эту концепцию У. Бута, является введение в заблуждение слушателя/читателя и одновременно наблюдателя [15, с. 158–159].

В контексте теории «языковой демагогии» это явление можно рассматривать как манипулятивное использование риторической стратегии **de re**, которая по определению вводит в заблуждение [8]:

(7) *Ну, сейчас он идет навстречу полностью, для него легенда, что это для вас, Д.Е., все для вас. Ну, мы наплели историю о том, что мне надо ее сдать, чтобы завод за нее заплатил деньги, якобы это он сам придумал, и мы поддержали эту идею.*

Далее «манипулятор» пересказывает эту же ситуацию другому адресату:

(8) *Ну, в общем, смотрите, рассказываю. Сейчас ситуация у нас выглядит таким образом. То есть, я приезжаю к Ж., для нас вообще легенда для него о том, что я якобы проектирую сейчас для него, он сам пустил такую мутьку, что ты ж денег хочешь с завода за воду, завод должен же тебе оплатить.*

(Примеры 7, 8 из исследования разговоров в экспертной практике одного из авторов.)

В этом случае мы, очевидно, имеем дело с парадоксом «лжеца»: если лгущий говорит, что он лжет, он говорит правду, и наоборот [16]. Как полагают авторы «Словаря по логике», парадокс «лжеца» служит характерным примером двух языков (двух подходов) *de dicto* и *de re*. Таким образом, мы имеем дело с динамическим равновесием, отраженным в формулах **Ma – Яn – Tn** и **Mn – Яn – Та**.

Обфускация и энтропия языка

Одним из возможных аспектов изучения обфускации в языке, речи и тексте является аспект лингвосомиотический, связанный с проблемой языковой энтропии обфусцированного языкового выражения или текста.

Как известно, энтропия как категория теории информации это «мера неопределенности ситуации (случайной величины) с конечным или счетным числом исходов» [17, с. 832]. Следует иметь в виду, что «неравновесные процессы в изолированной системе сопровождаются ростом энтропии, они приближают систему к состоянию равновесия, в котором энтропия максимальна» [18, с. 1565].

В отечественной науке идея «энтропии речи» (т.е. мера неопределенности или вариативности информации, которая используется для описания степени рассеивания смысла в тексте) связана с академиком А.Н. Колмогоровым. «“Энтропия речи” может быть разложена на две компоненты: 1) внеречевую (смысловую, семантическую) информацию и 2) собственно речевую (лингвистическую) информацию. Первая из этих компонент характеризует разнообразие, позволяющее передавать различную смысловую информацию. Вторая компонента, названная А.Н. Колмогоровым “остаточной энтропией”, характеризует разнообразие возможных способов выражения одной и той же или равносильной смысловой информации. Иначе можно сказать, что эта компонента призвана характеризовать “гибкость” речи, “гибкость” выражения» [цит. по: 19, с. 130].

«Точное определение энтропии приводится с помощью математических расчетов» [20, с. 541]. Мы будем использовать онлайн-калькуляторы: калькулятор энтропии по Шеннону [21] и «PLANETCALC. Онлайн-калькуляторы» [22]. В обоих случаях расчет проводится по формуле К. Шеннона. В оценке числового значения энтропии мы исходим из положения, что «при обратимых процессах величина энтропии остается неизменной, при необратимых, наоборот, величина энтропии неуклонно возрастает» [20, с. 541].

Применительно к нашей проблематике отметим, что энтропия может измеряться для двух текстов (обфусцированного и необфусцированного), для чего необходима процедура трансформации первого текста во второй, своего рода «деобфускации». Такие трансформации применяются в настоящей статье, это проводится для наиболее простых случаев. В целом необходимо создание инвентаря приемов деобфускации. Для более протяженных фрагментов и, соответственно, более сложных случаев измеряется

энтропия данного текста как такового. В любом случае данный показатель демонстрирует информационный вес обфусцированного текста, и эта мера энтропии может быть использована для сравнения данного текста с другими, сопоставимыми по объему, жанру, коммуникативной направленности и т.п.

Теперь оценим энтропию языка для наших примеров.

В примере (1) энтропия незначительно больше в сопоставлении с выражением *Привези яблоки с зелеными ножками* 3.93/3.91 (округление до двух знаков после запятой). В данном случае словоформа *железными* в сравнении со словоформой *зелеными* информационно более весома не только по форме, но и по смыслу.

В примере (2) можно измерить энтропию лишь данного текста, поскольку сопоставление с необфусцированным аналогом требует трансформаций, которые на настоящий момент не разработаны. Энтропия данного текста 4.81.

В примере (3) энтропия 3.16/3.02, т.е. повтор консонантного элемента с гласным слога (который тоже повторяется) снижает энтропию текста, повышая структурированность его элементов.

В примере (4) приведенное высказывание сопоставляется с высказыванием *Мы вчера заходили в парк. Ты как-нибудь тоже загляни туда* 4.35/4.40. Увеличение энтропии объясняется снижением повторяемости элементов.

В примере (5) энтропия приведенного текста 4.54. Если оставлять только утверждение о факте (*Организовал новый вид бутлегерства некто Д.Р.*), энтропия снижается до 4.29. Маркирование модальности факта несколько снижает энтропию в сравнении с показателем исходного текста (*Выяснилось, что организовал новый вид бутлегерства некто Д.Р.*) – 4.44, тогда как маркирование модальности предположения (*Организовал новый вид бутлегерства, по неподтвержденной информации, некто Д.Р.*) оставляет энтропию практически на уровне маркированной фактуальности – 4.45.

В примерах (7) и (8) ситуация с измерением энтропии аналогична примеру (2). Энтропия примера (7) 4.38, примера (8) 4.53.

Как было отмечено выше, анализ энтропии текстов с референциальными прагмалингвистическими, коммуникативными и нарративными аномалиями требует разработки методики элиминации обфускации для сопоставления обфусцированного текста с необфусцированным.

Разработка методики подобной трансформации текста может быть осуществлена по образцу лингвистического эксперимента, осуществленного одним из авторов данной статьи в рам-

ках анализа языковых аномалий в художественной речи Андрея Платонова. Анализируется фраза из «Котлована»:

(9) *Вощев стоял с робостью перед глазами шестивия этих неизвестных ему, взволнованных детей,*

– для которой фиксируется целый «букет» возможных аномалий, в том числе и аномальная концептуализация события ‘*Вощев находился перед глазами шестивия детей’. При этом фраза производит впечатление удивительной и эстетически убедительной семантической компрессии, насыщенности, выразительности. Эксперимент заключался в ее переводе с «русского языка Андрея Платонова» на обычный, нормативный русский язык: *Вощев стоял перед идущими ему навстречу детьми, которые смотрели на него.* «Однако отметим, что наша реконструкция, при всей ее «правильности», содержит очевидный «ноль» экспрессии: в условиях такой «нормальной», вполне конвенциональной категоризации фраза звучит невыразительно и плоско» [9, с. 310]. Энтропия текста А. Платонова 4.41, «перевода на нормативный русский» – 4.18.

Перевод художественного обфусцированного текста в режим необфусцированного в том числе доказывает, что обфускация как затемнение содержания языкового выражения в условиях сознательного и умелого использования ее лингвистических механизмов говорящим в эстетических или риторических целях, напротив, ведет к умножению информации, к обогащению смысла в зоне адресата.

Заключение

Таким образом, можно предложить следующую теоретическую модель: обфускация рассматривается как коммуникативная стратегия, направленная на снижение ясности текста, разноуровневые языковые аномалии являются механизмом реализации данной стратегии, тогда как энтропия выступает как количественная мера обфускации для того или иного текста.

Языковая обфускация текста как результат применения соответствующих коммуникативных стратегий порождается самыми разными интенциями говорящих, имеет самые разнообразные цели, которые далеко не всегда сводятся к некооперативной коммуникации (сокрытие информации, введение в заблуждение, искажение фактов, манипулирование и пр.). В ряде случаев обфускации на поверхностном уровне текста могут соответствовать задачи повышения информационной емкости текста, порождения множественности интерпретаций, усиления воздейственного эффекта, что, как правило,

присуще специфическим модусам использования языка – эстетическому или риторическому.

Количественные аспекты языковой обфускации, связанные с исчислением меры языковой энтропии обфусцированного текста, могут стать значимым исследовательским инструментарием как для разрешения собственно лингвистических проблем анализа аномальных текстов разных типов, в том числе их атрибуции, так и для решения прикладных задач автоматической обработки текста или лингвистической экспертизы.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

Список литературы

1. Елистратов В.С. О тайноречии // Риторика. Специализированный проблемный журнал. 1995. № 1. С. 56–61.
2. Красса С.И. Декодирование криптогаллии с помощью фреймов // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2013/08/3669> (дата обращения: 14.07.2023).
3. Никольская А.Г., Савва Ю.Б. О проблеме вскрытия обфусцированных русскоязычных текстов участников виртуальных социальных сетей // Информационные системы и технологии. 2016. № 6 (98). С. 52–55.
4. Transformative Digital Humanities: Challenges and Opportunities / Edited by Mary McAleer Balkun and Marta Mestrovic Deurup. New York: Routledge, 2020. 182 p.
5. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.
6. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
7. Грайс Г.Л. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
8. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
9. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимотражения. М.: Издательский дом «ЯСК», 2017. 592 с.
10. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы / Под ред. В.Ф. Статкуса: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2009. 80 с.
11. Baranov A., Dobrovolskij D. Idioms from a Cognitive Perspective // Вестник Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1998. № 1. С. 64–75.
12. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
13. Плотникова А.М. и др. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Метод. пособие / Под ред. проф. С.А. Смирновой; М-во юстиции Рос. Федерации, Федер. бюджет. учреждение «Рос. федер. центр судеб. экспертизы». М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.
14. Радбиль Т.Б. Метаязыковые показатели со значением истинности в речевых стратегиях de re // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Гнозис, 2016. С. 137–148.
15. Booth Wayne C. The Rhetoric of Fiction. Chicago & London: The University of Chicago press, 1968. 484 p.
16. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 384 с.
17. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 3-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 856 с.
18. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1981. 1600 с.
19. Успенский В.А. Предварение для читателей «Нового литературного обозрения» к «Семиотическим посланиям» Андрея Николаевича Колмогорова // Новое литературное обозрение. 1997. № 5 (24). С. 123–213.
20. Краткая философская энциклопедия. М.: Изд. группа «Прогресс — «Энциклопедия». 576 с.
21. Калькулятор энтропии по Шеннону [Электронный ресурс]. URL: http://upbyte.net/news/kalkulator_ehntropii_po_shennonu/2016-05-15-871 (дата обращения: 25.03.2024).
22. PLANETCALC. Онлайн-калькуляторы [Электронный ресурс]. URL: <https://planetcalc.ru/2476> (дата обращения: 25.03.2024).

OBFUSCATION AS ANOMAL USE OF LANGUAGE: PRINCIPLES OF PRAGMATIC-LINGUISTIC AND LINGUISTIC-SEMIOTIC ANALYSIS

T.B. Radbil, S.I. Krassa

The article is devoted to the problem of text obfuscation, which is understood as obscuring the content of the text or the meaning of its fragment, which introduces ambiguity, generates un informativeness, and hides the meaning embedded in the text or its part. Text obfuscation is considered as a non-cooperative communicative strategy that violates G.P. Grice's postulates of communication. It is shown that text obfuscation acts as an abnormal use of language and abnormal realization of communication models with different intentionality and different perlocutionary effect. The theoretical and linguistic description of the varieties of obfuscated text is proposed taking into account the division of linguistic anomalies into anomalies of world conceptualization, anomalies of a language and anomalies of a text. The linguistic-semiotic approach to the analysis of obfuscation is substantiated on the basis of determining the entropy of the obfuscated text in comparison with the unobfuscated one. It is concluded that the increased entropy of the obfuscated text can, on the one hand, be a marker of text incomprehensibility, and on the other hand, for example, in the case of a fiction text, serve as an indicator of its significant semantic capacity and expressiveness.

Keywords: obfuscation, pragmatic linguistics, non-cooperative communicative strategy, anomalous language use, linguistic-semiotic approach, text entropy.

References

1. Elistratov V.S. About the secret language // *Rhetoric. A specialized problem journal*. 1995. № 1. P. 56–61.
2. Krassa S.I. Decoding cryptotalia with the power of frames // *Humanitarian scientific research*. 2013. № 8 [Electronic resource]. URL: <https://human.snauka.ru/2013/08/3669> (Date of access: 14.07.2023).
3. Nikolskaya A.G., Savva Yu.B. On the problem of opening obfuscated Russian-language texts of participants in virtual social networks // *Information systems and technologies*. 2016. № 6 (98). P. 52–55.
4. *Transformative Digital Humanities: Challenges and Opportunities* / Edited by Mary McAleer Balkun and Marta Mestrovic Deyrup. New York: Routledge, 2020. 182 p.
5. Kubryakova E.S. The initial stages of the formation of cognitivism: linguistics – psychology – cognitive science // *Questions of linguistics*. 1994. № 4. P. 34–47.
6. Paducheva E.V. Semantic research (Semantics of time and type in the Russian language. The semantics of narrative). M.: Languages of Russian culture, 1996. 464 p.
7. Grice G.L. Logic and speech communication // *New in foreign linguistics: Vol. XVI. Linguistic pragmatics*. M.: Progress, 1985. P. 217–237.
8. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar). M.: Languages of Russian culture, 1997. 576 p.
9. Radbil T.B. Language and the world: paradoxes of mutual reflection. M.: Publishing House «YaSK», 2017. 592 p.
10. Standard methodology of forensic linguistic expertise / Edited by V.F. Statkus: Methodological recommendations. M.: ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. 80 p.
11. Baranov A., Dobrovol'skij D. Idioms from a Cognitive Perspective // *Bulletin of the Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication*. 1998. № 1. P. 64–75.
12. Baranov A.N. Linguistic expertise of the text: theory and practice. M.: Flint: Science, 2007. 592 p.
13. Plotnikova A.M. et al. Semantic research in forensic linguistic expertise: Methodological guide / Edited by prof. S.A. Smirnova; Ministry of Justice of the Russian Federation, The Russian Federal Center for Forensic Examination. M.: Federal State Budgetary Institution of the Russian Federation under the Ministry of Justice of Russia, 2018. 136 p.
14. Radbil T.B. Metalanguage indicators with a truth value in de re speech strategies // *Logical analysis of the language. The information structure of texts of different genres and epochs* / Ed. N.D. Arutyunova. M.: Gnosis, 2016. P. 137–148.
15. Booth Wayne C. *The Rhetoric of Fiction*. Chicago & London: The University of Chicago press, 1968. 484 p.
16. Ivin A.A., Nikiforov A.L. Dictionary of logic. M.: Humanit. ed. center VLADOS, 1997. 384 p.
17. Krysin L.P. Explanatory dictionary of foreign words. 3rd ed. M.: Russian language, 2001. 856 p.
18. *The Soviet encyclopedic dictionary*. M.: The Soviet Encyclopedia, 1981. 1600 p.
19. Uspensky V.A. A preface for readers of the «New Literary Review» to the «Semiotic epistles» by Andrei Nikolaevich Kolmogorov // *New Literary Review*. 1997. № 5 (24). P. 123–213.
20. *Brief philosophical encyclopedia*. Moscow: Publishing house of the Progress – Encyclopedia group. 576 p.
21. The Shannon Entropy calculator [Electronic resource]. URL: http://upbyte.net/news/kalkuljator_ehntropii_po_shennonu/2016-05-15-871 (Date of access: 25.03.2024).
22. PLANETCALC. Online calculators [Electronic resource]. URL: <https://planetcalc.ru/2476> (Date of access: 25.03.2024).